

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
CHRISTINE

Перевод с английского *Е. Романовой*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Кристина : [роман] / Стивен Кинг ; [пер. с англ. Е. Романовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 672 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-105653-7

Это была любовь с первого взгляда. Когда семнадцатилетний Арни увидел Кристину, он понял: они должны принадлежать друг другу. Однако остальные не разделяли его восторга. Лучший друг Деннис сразу же проникся к Кристине недоверием. Подружка, первая школьная красавица, ревновала Арни к Кристине и боялась ее. Но вскоре и близкие, и враги Арни поймут, что случается, если перейти Кристине дорогу. Потому что Кристина — не девушка, а порожденная Злом машина смерти...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105653-7

© Stephen King, 1983

 Школа перевода В. Баканова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Посвящается Жоржу Ромеро
и Крису Форресту Ромеро.
И еще — Бергу*

Предисловие автора

Авторами песен, процитированных в этой книге, я указал певцов (или музыкальные ансамбли), которые их исполняли. Это может обидеть пуристов, склонных считать, что текст песни принадлежит его автору, а не исполнителю. «Вы бы еще сказали, что романы Марка Твена написал Хэл Холбрук!» — возмутятся такие пуристы. Я не соглашусь. В мире поп-музыки, как пел Мик Джаггер, «важен певец, а не песня». Но я благодарен всем: и певцам, и авторам песен — особенно Чаку Берри, Брюсу Спрингстину, Брайану Уилсону... и Джану Берри из «Джан энд Дин». Ему-то удалось вернуться с Виража Мертвецов. Получить разрешение на использование текстов песен в книге — непростая задача, и я хочу поблагодарить людей, помогавших мне вспоминать слова и договариваться с правообладателями. Это: Дейв Марш, музыкальный критик и историк рок-музыки; Джеймс Фойри, он же Могучий Джон Маршалл, что отжигает на волне WACZ; его брат Пэт Фойри, который крутит золотое старье на радиостанции Портленда; Дебби Геллер, Патрисия Даннинг и Пит Бэтчелдер. Спасибо, ребята, пусть ваши пластинки никогда не погнутся от времени.

С.К.

Пролог

Может сложиться обманчивое впечатление, что это любовная драма, история любовного треугольника: Арни Каннингема, Ли Кэбот и, разумеется, Кристины. Но надо понимать: Кристина была в этом треугольнике главной. Она стала первой любовью Арни. Первой и единственной, насколько я могу судить с высоты своего огромного жизненного опыта (мне недавно стукнуло аж двадцать два). Поэтому я предпочитаю называть случившееся трагедией.

Мы с Арни выросли в одном квартале и учились в одних и тех же школах, начальной и средней. Думаю, именно благодаря мне Арни тогда не сожрали живьем. В школе я был крупным парнем, капитаном бейсбольной и футбольной команд, да еще неплохим пловцом — отстаивал честь школы на всяких соревнованиях по плаванию. Понятное дело, это теперь никого не интересует: через пять лет после выпускного одноклассники мне даже пива не поставят. Но именно моими стараниями Арни тогда не убили. Его третировали, его унижали, но не убили.

Он был рохля, понимаете? В каждой школе есть хотя бы парочка таких доходяг, это прямо закон. Один парень, одна девчонка. Эдакие козлы отпущения. Все, кому не лень, вымещают на них свою

8 злость. Паршивый день? Завалил контрольную? Повздорил с предками, и тебя заперли на все выходные дома? Не проблема. Просто найди себе какого-нибудь неудачника, крадущегося по школьным коридорам, точно заключенный перед отбоем, и всыпь ему. Иногда этих бедняг в самом деле *убивают*, во всех смыслах, кроме буквального; иногда они находят способ выжить. У Арни был я. Потом — Кристина. И только потом появилась Ли.

Я просто хотел, чтобы вы это понимали.

Арни родился аутсайдером. Его не любили крутые парни, потому что он был хлюпик: пять футов десять дюймов ростом, сорок фунтов весом, вечно потный да еще в ботинках-дезертах. Его не любили школьные интеллектуалы (сами по себе аутсайдеры в таком городке, как Либертивилль), потому что в нем не было ничего особенного, ничего эдакого. Вообще-то мозгов у Арни хватало, но он никак не мог найти им применение... если не считать автомеханики. По этой части ему не было равных. Арни знал подход к автомобилям — руки у него росли из нужного места. Но родители понять этого не могли: оба преподавали в Университете Хорликса и ни за какие коврижки не отдали бы в техникум сына, набравшего чуть ли не максимальный балл в тесте Стэнфорда — Бине. Арни еще повезло: они хотя бы разрешили ему взять спецкурс по автомеханике. Ну и скандал был... Нарки его тоже не любили: он ничего не употреблял. И мачо в подвернутых джинсах, ценители «Лаки страйка», не жаловали Арни, потому что он не бухал и запросто мог разреветься от пощечины.

Ах да, девчонки тоже над ним потешались. Гормоны устроили настоящую революцию в его организме: Арни с ног до головы был покрыт прыщами.

Он умывался по пять раз на дню, принимал душ двадцать пять раз в неделю и перепробовал все существующие кремы и снадобья. Ничего не помогало. Рожа Арни напоминала пиццу, и всем было ясно, что от прыщей неминуемо останутся глубокие шрамы и рытвины.

А мне он все равно нравился. У него было обычное чувство юмора и пытливый ум. Именно Арни в детстве показал мне, как построить муравьиную ферму, и мы все лето наблюдали за этими маленькими паршивцами, замороженные их трудолюбием и абсолютной серьезностью. Именно Арни предложил однажды тайком выбраться из дома, набрать лошадиного навоза в конюшне и подложить его под дурацкую пластмассовую лошадь, что стояла на лужайке у местного мотеля. Арни первым освоил шахматы. И покер. Научил меня набирать максимальное количество очков в скрэбл. Дождливыми днями я первым делом вспоминал про него (пока не влюбился — если это можно так назвать. Она была из группы поддержки, и я просто шалел от ее тела, но Арни считал, что ума и души в ней столько же, сколько в пластинке Шона Кэссиди. Я не возражал.). Арни всегда знал, чем заняться в плохую погоду. По одному этому признаку легко опознать настоящих одиночек: в дождливый день у них непременно найдется интересное занятие. И к ним всегда можно забежать на часок. Они всегда дома. *Всегда*, черт подери.

Зато я научил его плавать. Мы вместе тренировались, и я заставлял его есть зеленые овощи, чтобы на этих несчастных костяхросло хоть немного мяса. Летом перед последним учебным годом в средней школе Либертивилля я пристроил Арни на дорожные работы, из-за чего нам обоим пришлось

10   поскандалить с его предками: они готовы были устраивать пикеты в поддержку калифорнийских фермеров и каких-нибудь сталеваров, но им внушала ужас мысль о том, что их одаренный сын (получивший едва ли не высший бал за тест Стэнфорда — Бине, помните?) запачкает руки и обгорит на солнце.

Ближе к концу летних каникул Арни увидел Кристину — и влюбился. Мы были вместе в тот день, ехали домой с работы, и я все помню в мельчайших подробностях: если надо, готов подтвердить свои показания на небесном суде. Арни влюбился по уши. Все это было бы смешно, если б не было так грустно — а потом еще и очень страшно. Скверно, одним словом.

Все пошло наперекосяк почти сразу. И очень скоро полетело к чертям.

Часть первая

ДЕННИС — ПЕСЕНКИ О МАШИНАХ

1. Первое свидание

Эй, глянь-ка,
Вон там, у тротуара,
Стоит авто, каких на свете больше нет.
Я все отдал бы за кабриолет!..
Смотри, так и глядит на нас,
Вот это тачка — первый класс!

Эдди Кокран

— О боже! — вдруг завопил мой друг Арни Канин-
нингем.

— Что такое? — спросил я.

Он смотрел назад, вытаращив глаза, разинув рот
и выкрутив шею практически на сто восемьдесят
градусов, точно она у него была на шарнире.

— Тормози, Деннис! Разворачивайся!

— Да что с то...

— Едем обратно, я хочу еще разок на нее взгля-
нуть.

Внезапно я все понял.

— Да ты чего? Это же...

— Разворачивайся! — Он почти кричал.

Я тормознул, подумав, что Арни меня разыгры-
вает — он иногда выкидывал такие фокусы. Не

12   тут-то было. Он влюбился, причем по самые уши.

Выглядела она хуже некуда, и я до сих пор не могу взять в толк, что он в ней нашел. Лобовое стекло слева покрывала паутина трещин, сзади на кузове — огромная вмятина с облупившейся краской, вокруг которой расплзлось безобразное пятно ржавчины. Задний бампер свернут к чертовой матери, крышка багажника открыта, сиденья спереди и сзади кто-то исполосовал ножом. Одно колесо спустило. На остальных резина стерта до корда. Под двигателем — темная лужица масла.

Арни влюбился в «плимут-фьюри» 1958 года выпуска, модель с удлиненным кузовом и большими плавниками. На правой — не разбитой — части лобового стекла висела поблекшая табличка с надписью: «ПРОДАЕТСЯ».

— Только взгляни на ее линии, Деннис! — прошептал Арни.

Он бегал вокруг машины как одержимый, потные волосы развевались на ветру. Он дернул ручку задней двери, и та с пронзительным скрипом отворилась.

— Арни, ты прикалываешься, да? Или у тебя солнечный удар? Умоляю, скажи, что ты просто перегрелся. Я отвезу тебя домой, суну под кондиционер, и мы забудем про это недоразумение, договорились? — Уже тогда я не очень надеялся его вразумить. Арни обладал отменным чувством юмора, но сейчас на его лице не было ни намека на улыбку — только безумный восторг, который мне сразу не понравился.

Он не удостоил меня ответом. Из открытой двери пахло маслом и каким-то жутким гнильем. Этого Арни тоже как будто не заметил. Он забрался

внутри и сел на исполосованное, выцветшее сиденье. Двадцать лет назад оно было красное. Теперь — едва розовое.

Я выдрал из сиденья клочок набивки, рассмотрел и сдул его.

— По этой машине как будто русские прошли. По пути на Берлин.

Арни наконец меня заметил.

— Ну да... да... и что? Я ее почию. Красавица будет! Вот увидишь, Деннис! Произведение искусства!

— Ну-ка, ну-ка! Вы что тут творите, ребятки?

На нас смотрел старикашка лет семидесяти. Может, немногим моложе. Вид у него был угрюмый и жалкий: волосы — то, что от них осталось, — висели длинными седыми лохмами, на облысевшей макушке цвел псориаз.

На нем были зеленые стариковские штаны и кеды, вместо рубашки или хотя бы майки — какая-то обмотка, смахивающая на женский корсет. Когда он подошел ближе, я разглядел, что это в самом деле корсет, только не женский, а поддерживающий, для больной спины. Судя по виду, последний раз его меняли примерно тогда, когда умер Линдон Джонсон.

— Чего вам тут надо, а? — надсадным и пронзительным голосом повторил он.

— Сэр, это ваша машина? — спросил Арни. Нашел что спросить. Чья же еще? «Плимут» стоял на заросшей лужайке типового дома послевоенной застройки, из которого к нам вышел старикан. Лужайка была в ужасном состоянии, но по сравнению с «плимутом» прямо-таки цвела и пахла.

— Допустим, что с того?

— Я... — Арни сглотнул. — Я хочу ее купить.

Глаза старикана сверкнули, злобная хмурая мина осветилась изнутри каким-то тайным огнем, а губы исказила плотоядная усмешка, сменившаяся широкой торжествующей улыбкой. В тот самый миг, ручаюсь, в тот самый миг мое нутро свернулось в ледяной узел, и я едва поборол желание дать Арни по башке, вырубить его и утащить прочь. Нет, не радостный огонь в стариковских глазах меня напугал, а то, что *скрывалось* за этим огнем.

— Так бы сразу и сказали! — Старик протянул Арни руку, и тот ее пожал. — Моя фамилия Лебэй. Роланд Д. Лебэй. Военный в отставке.

— Арни Каннингем.

Мне он только махнул: ясное дело, ему нужен был мой приятель, а я ему на фиг не сдался. К чему церемонии, Арни мог бы сразу вручить Лебэю свой бумажник.

— Сколько? — спросил он и тут же добавил: — За такую красавицу никаких денег не жалко.

В душе я даже не вздохнул — застонал. К бумажнику только что присоединилась чековая книжка.

На секунду улыбка Лебэя чуть померкла, а глаза подозрительно сощурились. Он, видно, решил, что его разыгрывают. Внимательно осмотрев восхищенную рожу Арни на предмет злого умысла, он ничего такого не обнаружил и задал абсолютно безупречный вопрос:

— Сынок, у тебя раньше была машина?

— У него «Мустанг-Мач-2», — встрял я. — Предки купили. Коробка «хёрст», наддув, асфальт плавит даже на первой передаче. Зверюга...

— Нет, — тихо произнес Арни. — Я только этой весной права получил.

Лебэй бросил на меня хитрый взгляд, а затем переключил все внимание на главную жертву. Он

положил обе руки на поясницу и потянулся. **15**
Нас обдало запахом кислого пота.

— В армии мне повредили спину, — сказал старикан. — Инвалидом сделали. От врачей никакого толку. Если кто вас спросит, куда катится наш мир и почему, отвечайте: всему виной врачи, коммуняки и ниггеры-радикалы. Коммуняки — самое большое зло, но врачи от них почти не отстают. А если вас спросят, кто вам это сказал, можете смело назвать мое имя. Роланд Д. Лебэй, так точно, сэр!

Он зачарованно погладил обшарпанный капот «плимута».

— Это моя самая любимая машина, лучше у меня никогда не было. Купил ее в сентябре пятьдесят седьмого. В ту пору новые коллекционные автомобили выходили на рынок в сентябре. Летом производители дразнили народ фотографиями машин под белыми чехлами, так что все с ума сходили от любопытства. Теперь уж не то. — Его голос буквально сочился презрением к нынешним временам. — Она была новая. А пахла как!.. Нет на свете запаха приятнее, чем запах новой машины. — Он задумался. — Ну, после женской киски.

Я посмотрел на Арни, изо всех сил прикусывая себе щеки, чтобы не расхохотаться. Арни бросил на меня все тот же восхищенно-завороженный взгляд. Старикан нас как будто не замечал, он улетел на другую планету.

— Я тридцать четыре года носил хаки, — сообщил нам Лебэй, все еще поглаживая капот машины. — Ушел в армию в тысяча девятьсот двадцать третьем, когда мне было шестнадцать. Жрал пыль в Техасе и гонял вошек размером с лобстеров в борделях Ногалса. Во Вторую мировую я видел солдат,